Баронъ М. Ф. Таубе.

Ученіе о вѣроятностяхъ, какъ путь къ творческому пониманію духовнаго, душевнаго и вещественнаго.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья, № 14.
1914.

Баронъ М. Ф. Таубе.

Ученіе о вѣроятностяхъ, какъ путь къ творческому пониманію духовнаго, душевнаго и вещественнаго.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья, № 14.
1914.

Ученіе о вѣроятностяхъ, какъ путь къ творческому пониманію духовнаго, душевнаго и вещественнаго.

По поводу двухъ книгъ проф. Некрасова: 1) **„Теорія вѣроятностей“.** (Изданіе 2-е, дополненное статистической теоріей взаимоотношеній и элементами номографіи. 1912. СПБ. XXXIV+532, ц. 5 р.). 2) **„Вѣра, Знаніе, Опытъ основной методъ общественныхъ и естественныхъ наукъ“.** (Гносеологическій и номографическій очеркъ). 1912. СПБ. ц. 1 р. 50 к.

I.

Малое знакомство русской интеллигенціи съ восточнымъ міроразумѣніемъ.

Восточный строй мысли, подавленный въ Россіи густой, почти непроницаемою средою многочисленныхъ писаній и научныхъ изысканій западнаго толка,—все же находитъ и въ русской письменности своихъ труженниковъ и своихъ вдохновителей. Но трудовые подвиги этихъ творцовъ окончательно теряются и совершенно глохнутъ отъ противодѣйствія со стороны несвойственной ей европейской цивилизаціи, которая заѣдаетъ восточный складъ міроразумѣнія и стремится затормозить естественный ходъ самобытной жизни и мысли св. Руси.

Кто изъ рядовыхъ современныхъ ученыхъ, не говоря уже о простой толпѣ образованныхъ людей, именуемыхъ интеллигенціей, изучилъ основательно даже такіе цѣнные труды, каковы Творенія Преосв. Филарета, митрополита Московскаго? Кто изъ интеллигенціи оцѣнилъ, хотя бы поверхностно, жизненный многолѣтній трудъ Епископа Ѳеофана, затворника Вышенскаго? Кто, наконецъ, знаетъ, хотя бы по наслышкѣ только, о существованіи мощнаго мыслителя, сподвижника и аскета Ник. Ѳед. Ѳедорова, библіотекаря

(книжника въ добромъ смыслѣ слова) Румянцевскаго музея, а подъ конецъ жизни архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ? Кто вообще у насъ и въ иныхъ странахъ усиленно вдумывался и вчитывался въ многочисленные труды другихъ исполиновъ восточнаго просвѣщенія и православнаго пониманія природы, жизни людей и духовнаго ихъ отвлеченія? Такъ преднамѣренно-ли, случайно-ли, замалчиваютъ труды и проф. Некрасова и безмолвно противодѣйствуютъ ихъ распространенію, ибо его изслѣдованія по высшей математикѣ и философіи суть произведенія творческаго русскаго православнаго пониманія явленій духовнаго, душевнаго и плотскаго существованія, взятыхъ вкупѣ, а современная иностранствующая наука въ Россіи отъ предметовъ духовнаго содержанія окончательно отрекается. Проф. Некрасовъ и есть именно представитель научно-философскаго математическаго построенія, восточной московской просвѣтительной школы проф. Бугаева. Новый трудъ его по теоріи вѣроятности, пополненный статистическимъ ученіемъ о взаимоотношеніяхъ и основными пріемами изслѣдованія общественныхъ и естественныхъ наукъ, причисляется къ тѣмъ творческимъ работамъ русской мысли, которыя почему то оказываются неудобными для современныхъ западнодумающихъ ученыхъ.

II.

Общее направленіе трудовъ проф. Некрасова.

Не лишнее будетъ по сему познакомиться, любящимъ русское просвѣщеніе, хотя бы и бѣгло, съ богатымъ содержаніемъ и не вполнѣ обычнымъ построеніемъ ученія о вѣроятностяхъ, но которое необходимо для правильнаго изученія явленій внѣшней природы и общественной жизни.

Въ основѣ примѣненія теоріи вѣроятности къ полному и точному уясненію общественной цѣлесообразной жизни лежитъ слѣдующее положеніе: духовность, въ вѣрномъ ея направленіи, стремится одухотворить душевность; душевность, въ свою очередь въ ея добромъ проявленіи, должна стремиться одушевить безсознательную равнодушную внѣшнюю природу; или, наоборотъ: одушевленная и оживленная природа добродѣтельными душевными силами должна ис-

пытывать на себѣ воздѣйствіе достойнаго духовнаго начала тутъ какъ говорится: не только жизнь обожествляется, но проявляется „обоженіе“ самой безсознательной природы. Эта мысль настолько важна для пониманія восточнаго жизневоззрѣнія, что на ней необходимо остановиться подольше. Духовность совершеннаго образца, то есть сила истины православнаго пониманія и научнаго исповѣданія, руководитъ творческимъ развитіемъ и переходомъ въ лучшія области душевности. Душевность по добродуховному стремленію и настроенію должна воздѣйствоватъ исправительно и обогощающимъ образомъ на внѣшнюю вещественную природу, но эта душевность, къ добру настроенная, должна проявить свое доброе воздѣйствіе не слѣпо и безсознательно, а явно и планомѣрно. Путь ея дѣйствія долженъ быть ясенъ и впередъ опредѣленъ по направленію къ праведной истинѣ. Но таковая ясность пріобрѣтается не однимъ предразсужденіемъ исключительнаго генія (впередъ разсужденіемъ, или здоровымъ предразсудкомъ), не по наитію таинственныхъ, гадательныхъ вѣяній, а научнымъ предвидѣніемъ, т. е. силами и пріемами научныхъ изслѣдованій, съ помощью научныхъ снарядовъ въ научныхъ академіяхъ, лабораторіяхъ, обсерваторіяхъ, иначе говоря съ умственными и отвлеченными микроскопами, спектроскопами, телескопами, свѣтописными пластинками и анилиновымъ окрашиваніемъ всякихъ умственныхъ микроорганизмовъ. Чтобы такая философско-научная работа была-бы дѣйствительно полезною, требуется одно: перехода опыта въ знаніе, а знанія въ вѣру. Тогда обратно вѣра найдетъ пути дѣйствія на знаніе, а знаніе обратится въ дѣло улучшенія, приспособленія и исправленія недочетовъ вещественной и жизненной природы. Подобная сугубая жизненно философская работа станетъ научною, когда она пріобрѣтетъ свою основу въ точности математическаго мышленія, говоря проще— когда жизнь общественная и вещественная (стихійная) будетъ изучена на столько строго, что станетъ доступна выраженію математическими, числовыми, геометрическими, номографическими образами и символами. Тогда только наука о жизни будетъ изучаться математически точно съ помощію математическихъ формулъ и уравненій.

Вотъ выполненія этой именно цѣли и требуетъ профес.

Некрасовъ отъ математики и онъ обрѣтаетъ ее въ „Теоріи Вѣроятностей“. Именно эта отрасль математики особенно сильно подвинута впередъ трудами русскихъ геніевъ. Проф. П. А. Некрасовъ въ гносеологическомъ и номографическомъ очеркѣ: „Вѣра, Знаніе, Опытъ“ и въ университетскомъ курсѣ „Теорія Вѣроятностей“ выполняетъ превосходно коренныя требованія цѣльнаго познанія, ибо вводитъ какъ составную часть (элементъ) математически нормированной жизни и явленія духовнаго (нравственнаго) развитія общества и человѣчества. Первая изъ сихъ двухъ книгъ есть сокращенное и частичное воспроизведеніе второй. Остановимся подольше, для знакомства со взглядами автора на второмъ подробномъ трудѣ, а именно на второмъ изданіи „Теоріи Вѣроятностей“, дополненномъ статистической теоріей взаимоотношеній и элементами номографіи“ (СПБ. 1912 г. ц. 5 р.).

III.

Значеніе теоріи вѣроятностей для научнаго, точнаго изслѣдованія общественной жизни и ея назначеніе.

Разсматриваемая книга есть обширное математическое ученое изслѣдованіе о вѣроятностяхъ и достовѣрностяхъ, примѣненныхъ главнымъ образомъ къ вопросамъ общественной жизни. Трудъ этотъ математическо-философскаго содержанія полнаго и цѣльнаго познанія, то есть познанія, основаннаго на опытѣ духовной, душевной жизни и природнаго вещественнаго существованія. Выдвинувъ впередъ сперва главные вопросы ея научной части, мы перейдемъ затѣмъ къ изложенію нѣкоторыхъ вопросовъ общественной русской жизни и русскаго просвѣщенія, рѣшаемыхъ проф. Некрасовымъ своеобразно, но въ духѣ славянофильскаго любомудрія. Отличительная черта трудовъ проф. П. А. Некрасова заключается въ томъ, что онъ не отстраняетъ изъ жизненнаго комплекса развитія людского существованія главнѣйшую и руководящую составную часть семейной, общественной, государственной и вселенской жизни—*духовность*.

Теорія возможностей, вѣроятностей, достовѣрностей и неизбѣжностей и есть та математическая дисциплина, которая даетъ ему путь и способъ связать жизненную сознательность съ безсознательностью природы и ввести матема-

тику, какъ познающее начало, для опредѣленія духовнопроективной предусмотрительности живого будущаго. Иначе говоря, рѣшеніе жизненныхъ потребностей на основаніи правилъ теоріи вѣроятности жизненнообщественныхъ предначертаній по даннымъ природы и статистическихъ записей составляетъ задачу не мертвой сухой математики отвлеченнаго мышленія, а—живой общественной дѣйствительности. Установленные догматомъ законы Божіи восприняты вѣрою, законы познанія и мысли, дѣйствительности личнаго и общественнаго опыта и наблюденія—должны быть подтверждены и обобщены математическимъ синтезомъ и анализомъ. Математическая (числовая, буквенная и номографическая) формула явленія общественной или государственной и междугосударственной жизни должна быть въ свою очередь оправдана опытною статистикой. Провѣрка дастъ выправку погрѣшностей и усовершенствуетъ самую гипотически выбранную формулу той или другой степени приближенія. Формула будетъ усовершенствоваться до той поры, пока она не станетъ выраженіемъ закона жизни и перестанетъ быть полугадательнымъ выраженіемъ вѣроятнаго предположенія.

Ошибки и несовершенство формулы отсѣкаются, какъ погрѣшности; сомнѣнія устраняются, знаніе получаетъ силу достовѣрнаго. Вѣра укрѣпляется и пріобрѣтаетъ силу непререкаемой истины и становится наставницей для вѣрной оцѣнки безсознательной и безсмысленной природы для руководства въ жизни и установки ея цѣли и назначенія. Вотъ тотъ глубокій смыслъ вѣроочевиднаго образа духовной правды, изображенной математическою символикою, которую проф. П. А. Некрасовъ находитъ въ тріединомъ сочетаніи познанія вѣрою, знаніемъ и опытомъ. Прямое желаніе подчеркнуть этотъ смыслъ его труда мы видимъ въ выборѣ руководящаго изреченія, которое поставилъ онъ въ заголовкѣ его сочиненія, „Вѣра, знаніе и опытъ“ „Я есмь виноградная Лоза, а Отецъ Мой—Виноградарь; всякую у Меня вѣтвь, не приносящую плодъ, очищаетъ, чтобы болѣе приносила плода“ (Іоанна XV 1—2). Эти стихи священнаго писанія показываютъ до какого предѣльнаго совершенства предъявляетъ проф. Некрасовъ свои требованія отъ математики, философіи и вѣропознанія. Правильный ходъ развитія сего пріобрѣтенія точнаго познанія зависитъ отъ усовершенствованія фор-

мулъ вѣроятнаго знанія, обращающагося въ познаніе, удостовѣренное черезъ отсѣченіе вѣтвей погрѣшительныхъ, т. е. неприносящихъ плода, и очищеніе вѣтвей познанія, приносящихъ плоды, чтобы таковыя болѣе приносили плода.

Кромѣ того авторъ названной книги въ числѣ своихъ девизовъ ставитъ также изреченіе: „Вѣра безъ дѣлъ мертва“ и „Философу нужно считаться съ вѣроятностью такъ же, какъ и съ достовѣрностью“ (стр. I). Теорія вѣроятностей, въ истолкованіи автора, есть врожденная „категорическая функція сознанія“, предвосхищающая факты и отзывающаяся на нихъ душевными переживаніями (стр. III) и переучетами (стр. 23—24, 470—471 и 491). Какъ духовный органъ сознанія, теорія вѣроятностей судитъ, руководитъ и начинаетъ всѣ дѣла и по программамъ сличаетъ дѣла и ожиданія съ дѣйствительностью, индуктивно сличая данныя хорошей статистической записи съ соотвѣтствующей вѣроятностью, какъ обусловленною достовѣрностью, способною превращаться въ фактическую достовѣрность при наступленіи надлежащихъ условій (стр. 99, 284, 439 и 479). Теорія вѣроятностей изслѣдуетъ программными функціями сознанія ту духовную атмосферу довѣрія, живой вѣры, которая соединяетъ субъектовъ между собою и съ объектами, и которою живутъ и дышатъ люди, какъ листья растеній и легкія животныхъ живутъ и дышатъ обыкновенною атмосферой. „Такимъ образомъ—говоритъ авторъ,—человѣчество живетъ и дышетъ двумя атмосферами: духовною и матеріальною“ (стр. IV).

Математическая идеологія Лапласа, Лагранжа, Гаусса, Коши, Чебышева, Бугаева и другихъ создала общій и основной методъ производящихъ функцій, который „объединяетъ двѣ области познаванія: Механику вселенной (физику) и Психологію довѣрія и приближаетъ Науку почти къ цѣльному знанію (стр. II).

IV.

Связь трудовъ проф. Некрасова съ славянофильствомъ и ученіемъ „Философіи общаго дѣла“ Н. Ѳ. Ѳедорова.

Славянофильское ученіе истиннаго познанія, требующее для своего пониманія единство, цѣльность и полноту выраженія, т. е. соразмѣрную красоту формы изложенія, находитъ въ разсматриваемомъ трудѣ проф. Некрасова доста-

точное примѣненіе. Онъ избѣгаетъ лукавой погрѣшности искусственнаго сопряженія мистическаго ученія психургической „пансофіи“ Вл. Соловьева, онъ не впадаетъ въ односторонность практическаго комплекса узкопозитивностической односторонности западнаго направленія (Кантъ), но удачно связываетъ полноту изслѣдованія природы съ требованіями жизни психическаго и духовнаго содержанія. Такое же требованіе полноты и цѣльности, но менѣе научно выраженное (т. е. безъ помощи математическихъ формулъ и номографическихъ построеній), мы встрѣчаемъ у мало извѣстнаго мыслителя-сподвижника и праведника Н. Ѳ. Ѳедорова, удивительнаго труженника и творца „Философіи Общаго Дѣла“. Н. Ѳ. Ѳедоровъ принимаетъ за вполнѣ понятое только то знаніе, которое даетъ человѣку возможность творчески воспроизвести въ дѣйствительности познанное имъ. Не только крѣпкой связи (соузъ) или синтеза всякаго жизненнаго знанія удостовѣреннаго и выправленнаго опытомъ, не только возможности предварительнаго предвидѣнія событій будущаго, но Н. Ѳ. Ѳедоровъ требуетъ отъ познанія и установки сознательнаго планомѣрнаго предначертанія (планового проекта) воздѣйствія на природу и послѣ ея осилѣнія ея же выправки. Цѣль познанія не только совершенство человѣка душевно черезъ одухотвореніе души, но и усовершенствованіе природы черезъ ея одушевленіе и подобное проективное дѣло должно привести человѣчество къ общему безсмертію, къ общему воскрешенію изъ мертвыхъ. Подобная постановка вопроса о вѣрномъ, полномъ, цѣлесообразномъ познаніи философіи общаго дѣла приближается къ пониманію жизни и вѣрующимъ мышленіемъ славянофиловъ. Но есть между тѣмъ и другимъ міровоззрѣніемъ и существенная разница: славянофилы живознаніемъ и вѣромыслею стремились перенестись изъ области природы въ духовныя выси Божьяго предѣла, а ученіе объ общемъ дѣлѣ учитъ приспособить природу и жизнь земную въ царство небесное здѣсь на землѣ и исполнить Волю Божью на земли, яко на небеси путемъ сознательнаго воздѣйствія всего человѣчества вкупѣ на всю природу земную.

Весь II томъ сочиненій Хомякова направленъ къ выясненію, одухотворенію и оцерковленію человѣчества, оба тома Н. Ѳ. Ѳедорова направлены къ выясненію необходимости

обоженія природы по образцу св. божественной Троицы. Объектъ (предметъ) цѣльнаго познанія Н. Ѳ. Ѳедорова—природа и ея выправка и избавленіе отъ зла въ природѣ (смерти) путемъ общаго дѣла всего человѣчества соборно (вкупѣ), собственнаго безсмертія (воскресенія) и оживленія и уничтоженія смерти покойныхъ (воскрешенія). Объектъ цѣльнаго познанія Славянофильства есть единотроичное соотвѣсное объединеніе и познаніе вещественнаго природнаго (не исключая и пониманіе, которое требуетъ Н. Ѳ. Ѳедоровъ), и самопредѣленіе личное душевнаго нашего строя и, наконецъ, истинное вѣромысліе и живознаніе духовнаго—отвлеченнаго и божественнаго—предѣльнаго.

Какъ мы видимъ изъ разсмотрѣнія ученія проф. Некрасова, „Вѣра, Знаніе, Опытъ“, исходя отъ пониманія цѣльнаго знанія славянофильства онъ изучаетъ математическими пріемами способы осуществить общее дѣло усовершенія земной жизни человѣчества. Ученіе проф. Некрасова какъ бы связываетъ теоретически и практически ученіе славянофиловъ и ученіе общаго дѣла Н. Ѳ. Ѳедорова. Но то и другое противны мистическимъ домысламъ Вл. Соловьева, увлекшагося фантомомъ теургической пансофіи. Познаніе жизни и ея предубѣжденія (впередъ—убѣжденія) нормируются христіанскимъ законодательствомъ. И дѣйствительно предписанныя законодательною волею для постояннаго употребленія въ учрежденіяхъ хорошія нормальныя таблицы (номограммы) математическихъ вѣроятностей перемѣнныхъ величинъ, выведенныя путемъ научно-поставленнаго испытанія общества, удачно перестраиваютъ соотношенія субъектовъ (лицъ) къ объектамъ (предметамъ), улучшаютъ формулу и правила той естественной міровой урны, изъ которой людямъ выпадаютъ тѣ или другіе долевые жребіи въ игрѣ міровой случайности. Наблюденіями, испытаніями и поправками преобразуются къ лучшему человѣкотворныя достовѣрности, стремясь къ божески объективнымъ достовѣрностямъ (стр. 3).

Историческая статистика, собираемая по программамъ теоріи вѣроятностей, „должна и можетъ выслѣживать вѣковыя измѣненія хлѣбной стоимости золотой денежной единицы; говоря символически она можетъ выслѣживать вѣковыя измѣненія и другихъ кредитныхъ и символическихъ мѣръ, а также среднихъ антропологическихъ единицъ, ти-

повъ, въ связи съ измѣненіям и, какъ соціальныхъ условій такъ и почвы, климата, флоры, фауны, солнечнаго лучеиспусканія и пр.“ (стр. 496). „Вмѣстѣ съ этими измѣненіями у человѣчества незамѣтно измѣняются представленія, рѣшительно зависящія отъ типическихъ мѣръ, принимаемыхъ будто-бы за незыблемые инваріанты. Истинно незыблемыя мѣры и представленія мыслятся лишь у вѣчнаго Существа, Бога исторіи“.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе большой книги, переданное неполно словами автора. Обратимъ вниманіе на ея стороны, особенно намъ близкія.

Въ ходѣ развитія гносеологіи, иначе „теоріи познанія“, нынѣ ярко обрисовывается два направленія: 1) обычное европейское-эволюціонное непрерывнаго свойства, 2) новое восточное творческаго-прерывнаго пониманія, включающее первое, какъ часть болѣе широкаго цѣлаго (Еп. Ѳеофанъ, Н. Ѳ. Ѳедоровъ, Хомяковъ, Некрасовъ). Первое направленіе гносеологической науки подъ наименованіемъ „западничества“ стало всѣми признаннымъ—академическимъ; второе, преслѣдуемое большинствомъ западниковъ, „славянофильское“, мало кѣмъ понято и усвоено и если и примѣняется иными, то очень рѣдко и какъ бы случайно. Между тѣмъ, новое для Запада направленіе—ученіе о нашихъ познавательныхъ способностяхъ все чаще и чаще даетъ о себѣ знать. Исходная точка передового сего славянофильскаго ученія о познаніи (познаніевѣдѣніе) имѣетъ за собой не только всѣ права научнаго гражданства, но своимъ возвышеннымъ мыслительнымъ подъемомъ и полетомъ и полнотою глубокаго содержанія далеко опережаетъ медленное приземистое шаганіе стараго поверхностнаго близорукаго западнаго научнаго знанія.

Новый строй ученія о познаваніи плѣняетъ душу своимъ широко раскинутымъ въ сознаніи и въ пространствѣ объемнымъ обхватомъ и творческой живой силой; онъ не можетъ нынѣ оставаться вкупѣ подъ спудомъ, но долженъ привлечь всеобщее вниманіе ученыхъ и истинно-образованныхъ. Славное имя академика-поэта, мужика Ломоносова, имена математиковъ—проф. Зернова, Лобачевскаго, Чебышева, Бугаева, имена мыслителей—Кирѣевскаго, Хомякова, писателей-психологовъ—Достоевскаго и отчасти Гончарова и имена богослововъ—Филарета, еп. Ѳеофана и др.,—возвы-

шаются изъ мрака вольнаго или невольнаго пренебреженія и полузабвенія среди распрославленныхъ всячески талантливыхъ, но антиправославныхъ мыслителей и декадентовъ западниковъ: Мережковскаго, Вл. Соловьева, а также и еретика гр. Льва Толстого и имъ подобныхъ. Наука идетъ впередъ и выдвигаетъ своихъ передовыхъ руководителей. Къ числу этой восточно-мыслящей дружины мыслителей принадлежитъ и имя проф. Некрасова, а его новый, вновь обработанный и пополненный курсъ теоріи вѣроятностей есть новый шагъ къ преуспѣянію въ этомъ ходѣ развитія восточнаго мышленія.

Коренныя и основныя мысли о свойствѣ духа русскаго просвѣщенія въ изложеніи восточныхъ мыслителей московскаго направленія сопоставлены съ иностранными мыслителями самой высокой репутаціи быть не могутъ, ибо у первыхъ—славянофиловъ—духовныя начала творчества первенствуютъ и предписываютъ законы мышленія, поведенія, однимъ словомъ главенствуютъ надъ раціоналистическимъ научнымъ знаніемъ тѣлесной природы человѣка и вещественнаго міра, а у вторыхъ—западниковъ—эти духовныя естественныя начала либо только терпятся, либо принимаются за продукты мозговой работы. Различіе самое существенное между двумя указанными школами и направленіями заключается въ признаніи восточнымъ мышленіемъ явленій духовнаго трансцендентнаго міра и познанія сихъ явленій за предметъ, достойный научнаго точно-опредѣленнаго изслѣдованія, между тѣмъ какъ существующая въ дѣйствительности область духовной цѣнности, духовнаго реализма, наукою западнаго мышленія или отбрасывается вовсе, будто-бы по ненаучности метафизики, или отмѣчается только издалека, какъ нѣчто туманное и неопредѣленное, едва стоящее научнаго вниманія и всегда отрицаемое въ силу будто-бы позитивныхъ (положительныхъ) требованій самой науки.

V.

„Теорія Вѣроятностей“ проф. Некрасова есть трудъ изъ области познаніевѣдѣнія.

Теорія вѣроятностей и есть та отрасль математическихъ научныхъ изысканій, которая изучаетъ гипотетичность основъ

современнаго условнаго научнаго познанія, имѣющаго разную степень предположительности: сомнѣнія, возможности и достовѣрности. Безъ теоріи вѣроятностей вся математика съ естествознаніемъ была-бы сухой и однобокой и не достигла-бы необходимой полноты и цѣльности. Вѣроятіе есть не абсолютное, но условное достовѣрное познаніе; фактическая-же достовѣрность есть, наоборотъ, провѣренная частичнымъ опытомъ вѣроятность, приводящая отвлеченную мысль, идею, къ формамъ представленій, къ признанію конкретно-утвердительному въ наглядныхъ примѣрахъ или-же къ отрицанію ихъ, если эти представленія не оправдываются въ дѣйствительности при провѣркѣ на дѣлѣ.

Возможность при ея безусловной достовѣрности обращается въ необходимость и несомнѣнность. Обусловленная между людьми достовѣрность есть право для однихъ лицъ и долженствованіе для другихъ; она, выражаясь терминами проф. Некрасова, есть активъ для однѣхъ сторонъ и пассивъ для другихъ, она оправдывается, повѣряется по дѣламъ, и курсы довѣрія очищаются, оживляются, укрѣпляются повѣркой (стр. 136, 211—212)! Возможность, вѣроятность, предѣльная достовѣрность и опытомъ провѣренное долженствованіе (опытная несомнѣнность), всѣ вообще стороны усвоенія внѣшняго лицомъ (субъектомъ), его сознаніемъ, суть дѣйствія изъ области познаванія; все это и составляетъ предметъ гносеологіи; а потому мы причисляемъ новый математико-философскій трудъ проф. Некрасова столько же къ математической дисциплинѣ, сколько и къ познавательной (гносеологической) вѣтви философіи. Здѣсь соприкоснулись двѣ области человѣческаго образованія. Съ этой именно точки зрѣнія наше личное изслѣдованіе по вопросамъ познаванія прямо примыкаетъ къ труду профессора, который, не взирая на математическій образъ выраженія, изслѣдуетъ вопросы общественной жизни и нравственно-духовныхъ благъ.

Духовныя блага въ качествѣ предмета научнаго синтеза и анализа суть такія-же цѣнности „мысленнаго владѣнія“ (стр. 32—36), какъ цѣнности жизненныхъ силъ и вещественныхъ богатствъ (золота), но съ тою только существенною разницею, что цѣнности эти сознательныя и живыя, цѣнимыя по способностямъ духа независимо отъ вещества.

Христіанство въ принципѣ уничтожило всякій видъ

физическаго рабства и кабалистическаго ига (кабалы-окультности); прошло то время, когда „самъ человѣкъ“ былъ предметомъ продажи и купли, т. е. торговли, и когда биржевая его стоимость оцѣнивалась цѣною серебрениковъ. Но христіанство, освобождая человѣка, подчинило его долгу нравственному (за совѣсть) и гражданскому (за честный страхъ), какъ біологическое переживаніе народнаго множества за цѣлость родины, отечества. „Мысленное владѣніе“ народнаго множества авторомъ переносится не только на вещи (по римскому праву), но и на идеалы, какъ духовныя цѣнности, источающія правду и милость, стоящія выше алгебры формальнаго вещественнаго права (стр. 141). Въ экономіи міродержательства духовныя силы жизни являются родовыми дѣятелями, кои въ людяхъ учитываются въ своей параллели историческими пріемами и символами. Живые дары (таланты) и блага образованія людей ничто иное, какъ Божьи „капиталы“ въ людяхъ, а потому, хотя и фигурально, но все-таки возможно принять облики, типы образованныхъ людей народа за человѣкообразныя монеты въ замѣщеніи другъ друга и въ преемствѣ, и они могутъ быть предметомъ символическаго исчислительнаго научнаго мышленія и изслѣдованія, въ смыслѣ историческихъ явленій (стр. 105—119). Вотъ та символическая и номографическая связь, которая существуетъ между гносеологіей и, на видъ сухою, какъ твердая пища, наукою вѣроятностей, включающей въ себѣ теорію взаимоотношеній (иначе сродства, корреляцій, соотвѣтствій) живыхъ нравственно-духовныхъ, физически-воплощенныхъ личныхъ единицъ, или сознаній. Вотъ также причина, почему требовалось проф. Некрасову расширить свой университетскій курсъ теоріи вѣроятностей двумя новыми частями! I. О законахъ мышленія, случайности и вѣроятности (часть гносеологическая) и III, объ опредѣленіяхъ взаимоотношеній въ областяхъ антропологіи, этнологіи и біологіи. Вторая (средняя) часть (университетскій курсъ) изучаетъ составныя части (элементы) математическаго ученія о вѣроятностяхъ, ихъ раскладку и выводы.

VI.

Необходимость признанія „третьяго самостоятельнаго“ сочлена въ средѣ субъективнаго и объективнаго.

Мы воздержимся отъ подробнаго разбора математической части, но обратимъ вниманіе на внутренніе вопросы философскаго обоснованія. Проф. Некрасовъ широко раздвигаетъ обычное поле зрѣнія научнаго математическаго кругозора и не ограничивается только принятою академическою философіей двусторонняго противоположенія субъекта и объекта, а вводитъ между множествомъ субъектовъ (лицъ) и множествомъ объектовъ, какъ предметовъ владѣнія, держанія,—еще промежуточную существенно-важную „инстанцію“, а именно „мысленное общественное владѣніе“ и притомъ не только вещами, но и духовными цѣнностями, указанными, напримѣръ, въ текстѣ: „гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ“ (стр. 115). Мысленное владѣніе, частное и общее (государственное) принималось даже римскими юристами, правда, въ языческой формѣ, а у современныхъ культурныхъ язычниковъ въ чисто символической формѣ.

Этому промежуточному (умственному) владѣнію объектами соотвѣтствуетъ терминъ „соціологическій эйектъ“, введенный математикомъ В. Клиффортомъ, котораго авторъ цитируетъ на стр. VII и 492 [1]).

И. Н. Ѳ. Ѳедоровъ, философъ общаго дѣла, также восполняетъ двусторонность объекто-субъективности третьей составной части познаванія и кромѣ предмета личнаго отношенія къ общему дѣлу установляетъ третью его сторону—планомѣрное предначертаніе воздѣйствія лица на природу, что онъ и называетъ *проективностью*. Но понятіе „проек-

---

[1]) Ссылка на Клиффорта указываетъ только, что на западѣ, хотя и поздно, но догадались признать дуализмъ объектъ-субъектности за узкое воззрѣніе и безсознательно стараются перейти къ трихотомическому началу сознанія—„объектъ-эйектъ-субъективность“ восточной мысли, но перешли-ли въ полной силѣ сознанія еще вопросъ. Хомяковъ трехразличность познанія установилъ гораздо раньше и принялъ ее за основу всей полноты живого знанія, или какъ онъ выражался, „живознанія“ и „вѣрующаго мышленія“. Эйектъ отчасти соотвѣтствуетъ въ образованіи понятій нашему „метъ“. (Сводъ основ. зак. мышл., стр. 127).

тивности“ (проекта общаго дѣла) не совпадаетъ съ „соціологическимъ эйектомъ“ В. Клиффорта и съ „мысленнымъ общественнымъ владѣніемъ“, статистически опредѣляемымъ проф. Некрасовымъ. Проектность Н. Ѳ. Ѳедорова не совпадаетъ и, съ нами установленнымъ, понятіемъ логической полноты (комплекса) „мета“ (смот. „Основные законы мышленія“), т. е. мыслительнаго отвлеченія отъ объекта, воспринимаемаго мыслительнымъ усвоеніемъ субъекта. Все же обща всѣмъ мыслителямъ цѣльнаго познанія—необходимость пополненія западнаго эволюціоннаго объектосубъекта чѣмъ-либо третьимъ не общимъ, не равнымъ суммѣ двухъ, а несліяннымъ съ двумя первыми, обособленнымъ третьимъ, но съ двумя первыми равносильнымъ врозь, хотя вкупѣ и равнозначимымъ. Въ разнообразіи опредѣленія сего третьяго обособленнаго и заключается разность и личная самостоятельность мыслителя. Въ этомъ различеніи и кроется, между прочимъ, главная черта отличія славянофильскаго любомудрія отъ цѣльнаго знанія ученія общаго дѣла и соціологическимъ комплексомъ проф. Некрасова. Разница между эйектомъ В. Клиффорта и проектомъ Н. Ѳ. Ѳедоровымъ опредѣляетъ разницу между школами западнаго эволюціоннаго восполненія и восточнаго цѣльнаго познанія. У Н. Ѳ. Ѳедорова понятіе проекта чисто духовнаго христіанскаго свойства и оно направлено къ установленію въ вселенной безсмертія и воскрешенія, т. е. воздѣйствія сознательнаго человѣчества на безсознательную природу. Его стремленія—стремленія къ вѣчному. Посему, хотя ученія проф. Некрасова и Н. Ѳ. Ѳедорова не совпадаютъ, но все же они одного и того же направленія. И дѣйствительно для математическаго сужденія и умозаключеній цѣльнаго познанія вѣрою, знаніемъ и опытомъ берутся у проф. Некрасова величины не только въ зависимости отъ реальности предметной внѣшней жизни и положительнаго наблюденія, но также величины въ зависимости отъ духовныхъ цѣнностей души, отъ психической готовности содѣйствія и сопротивленія, неся крестъ жизни во слѣдъ идеаловъ добра и справедливости, а также въ зависимости отъ ирраціональныхъ (надсознательныхъ и подсознательныхъ) элементовъ жизни, требующихъ вѣроутвердительнаго обозначенія и сверхпредѣльнаго мышленія. Эти такъ называемыя духовныя зависимости, выражаемыя въ

обнаруженіи духовной цѣнности (реаліи) символами ихъ, какъ активами обобщеннаго разумѣнія, свободнаго отъ матеріалистической силы, и составляютъ содержаніе самостоятельно выдѣленнаго эйекта, т. е. душевно-духовной составной части общаго мысленнаго владѣнія и обобщеннаго математическаго умозаключенія, причемъ духъ истины всегда одинъ. Эйектъ познанія находится въ зависимости не только отъ внѣшняго міра, но также и отъ познавательныхъ способностей человѣчества, и въ свою очередь „эйектъ" можетъ воздѣйствовать на видоизмѣненіе внѣшней природы, а именно исполненіемъ всѣмъ человѣчествомъ проекта общаго дѣла въ „цѣльномъ міровомъ единомножествѣ". Отыскать и разработать этотъ проектъ, по мнѣнію Н. Ѳ. Ѳедорова, и составляетъ цѣль всякаго познанія и установленный человѣчествомъ проектъ долженъ выразить попечительную любовь людей къ несовершенной, но людьми всегда облагораживаемой, природѣ.

VII.

Обобщеніе множества (тройственности) въ единствѣ.

Въ европейской наукѣ нѣтъ всеобщаго признанія путей развитія мышленія въ сторону единствъ многихъ по духу, ибо оно полностью обосновано на предметной текучей перемѣнности двусторонней канители (психо-физической, т. е. душевно-тѣлесной). Люди подъ вліяніемъ высокихъ стремленій къ достовѣрному усвоенію духовныхъ цѣнностей (реаліевъ) не могутъ отклонить отъ себя необходимой обязанности изслѣдовать свойства вѣроятности и увѣренности, какъ живой инстанціи мысленнаго владѣнія сими цѣнностями. Именно изученіемъ областей возможности, невозможности, духовной цѣнности и матеріальной предметной необходимости и занялся, философско-математическими пріемами и выраженіями, проф. П. А. Некрасовъ, ставя задачей примирить свободу личности и единство многихъ на почвѣ науки (стр. 260) и на почвѣ живой истины, которую онъ считаетъ не простой, а усложненной, тріединой (стр. XXXII—XXXIII). „Est Deus in nobis"..., говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. III).

Обратимъ затѣмъ особое вниманіе на всю третью часть труда, гдѣ изслѣдуются законы положительнаго и отрица-

тельнаго *сродства* комплексовъ въ формулахъ вѣроятности, а именно: а) для сродства существованія или статическаго сродства (стр. 452—457), б) для сродства послѣдовательности и цѣлесообразности (стр. 462—471). Связи различныхъ комплексовъ по теоріи сродства существованія и послѣдовательности, укладываемыя въ категоріи сознанія или въ формы „мысленнаго владѣнія", отражаютъ связи дѣйствительной природы, оправдываемыя жизненными многообразными стремленіями и эмоціями (настроеніями).

Эта многогранность выражается графическими символическими пространственными образами, и получается связность составныхъ частей усложненнаго событія во взаимныхъ отношеніяхъ 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ и вообще многихъ укладовъ или измѣреній. Такая усложненная многогранность соотвѣтствуетъ и сложнымъ сужденіямъ, гдѣ сказуемое будетъ не простое, а комплексное, (соборное, цѣлокупное) и эти усложненныя сужденія, переходя въ величинныя отношенія, созидаютъ соотвѣтственныя комплексныя или составныя числа, смыслъ которыхъ зависитъ отъ ихъ природы и отъ образованія; эти числа въ свою очередь являются предметомъ математическаго обсужденія, чистаго и практическаго, прикладнаго. Этими комплексными числами управляется міръ (Пиѳагоръ), ибо ими выражаются законы природы и жизни, и они близки къ взаимоотношеніямъ интересовъ людей и къ задачамъ правомѣрія. Эти составныя числа созидаются эмпирически и статистически; таковы, напримѣръ, числа, представляющія финансовое значеніе той или другой кучи разнородныхъ экономическихъ благъ, къ коимъ стремятся люди (стр. 286—287). [Авторъ ихъ рѣзко отличаетъ отъ идеальныхъ чиселъ вида комплекса $A \pm B\sqrt{-1}$ созидаемыхъ обобщеніемъ натуральныхъ чиселъ по требованіямъ алгебры уравненій и сравненій].

Примѣръ статистическаго взаимоотношенія, связывающаго составъ населенія по племени и земельное крестьянское хозяйство, въ отношеніи къ росту рекрутъ, набираемыхъ изъ жителей, опредѣленныхъ по уѣздамъ края, данный на страницахъ 441—444 разбираемой книги, удачно поясняетъ мысли автора. Тутъ весьма наглядно представляется взаимодѣйствіе многомѣрныхъ и усложненныхъ отношеній при опредѣленіи одной данной стороны жизни къ

другимъ сторонамъ. Эта многогранность въ сужденіяхъ и наблюденіяхъ требуетъ въ свою очередь теоретическаго обоснованія, которое сосредоточивается въ такъ называемыхъ законахъ логики, а потому проф. Некрасовъ не могъ не указать на нихъ предварительно въ началѣ труда.

VIII.

Связь „Теоріи Вѣроятности“ проф. Некрасова съ нашими трудами.

Укажемъ на § 4 стр. 17, трактующій о законахъ мышленія и сомнѣнія, о подобіи и о законахъ замѣщенія подобныхъ подобнымъ. Эта логическая постройка легко сближается съ нашими трудами по гносеологіи и логикѣ, устанавливающими отношеніе между творческою свободою и вещественною необходимостью. Законы эти не ограничиваются одними гносеологическими положеніями Аристотеля, недостаточными для біологическихъ изслѣдованій, и проф. Некрасовъ ихъ расширяетъ по схемѣ, которую онъ считаетъ родственною съ логикою Джевонса и съ нашимъ девятичленнымъ строемъ свода основныхъ законовъ мышленія [1]). Онъ находитъ возможнымъ обозначить срединный законъ непрерывной эволюціи (нашимъ словообозначеніемъ) „*закономъ включеннаго третьяго* (*средняго*)“, разъясненнымъ въ той части общей логики, которую мы назвали психологикой. Хотя Хомяковъ ни сего закона психологики, ни трехъ законовъ пневмалогики или металогики не выводитъ, но правъ проф. П. А. Некрасовъ въ томъ, что основную мысль этихъ построеній приписываетъ именно ему, ибо составленный нами девятичленный укладъ и установленныя нами словообозначенія всецѣло выражаютъ основную мысль Хомякова, къ тому же они изложены по схемѣ, имъ же построенной; и духъ мысли, суть и сила ея, конечно, всецѣло принадлежатъ знаменитому отцу славянофильства—Хомякову, и его другу Кирѣевскому.

„Законъ включенія средняго, пишетъ проф. Некрасовъ на стр. 18 и 19 (подстрочное примѣчаніе), встрѣчается въ логикѣ инженера бар. М. Ф. Таубе „Сводъ основныхъ законовъ мышленія“ (Петроградъ, 1909 г.); авторъ извлекъ этотъ

---

[1]) „Мирный Трудъ“, статья Д. Ѳ. П—ва, годъ 1913, № 1-й.

законъ изъ твореній славянофиловъ, особенно А. С. Хомякова, обосновывая славянофильскую гносеологію (познаніевѣдѣніе). Слѣдуя міровоззрѣнію ихъ философіи, М. Ф Таубе размножилъ три закона Аристотеля (тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго) до девяти (сокращенно до семи): 1) Логикѣ отдѣльныхъ предметовъ (Аристотель), 2) Психологикѣ жизненной перемѣнности (Гегель), 3) Металогикѣ трансцендентныхъ предѣльныхъ сущностей (Хомяковъ, Лейбницъ), связывая всѣ три стороны бытія вещественнаго, душевнаго и духовнаго строя во всеобщую онтологію, въ законы достаточнаго основанія онтологики. По этимъ ступенямъ М. Ф. Таубе восходитъ отъ вопросовъ естественно-исторической морфологіи къ біологической эволюціи и, наконецъ, къ вопросамъ духовно-нравственнаго начала и свободнаго творческаго почина—однимъ словомъ къ трансцендентному міросозерцанію и его номографическому рисунку [1]).

На принятомъ въ основу своего мышленія строѣ, подобномъ нашему девятичленному своду законовъ мышленія, проф. Некрасовъ выводитъ два вида сужденій: 1) логическую діаду (стр. 433), обычную европейской мысли, и 2) логическую тріаду (стр. 458—459), свойственную болѣе восточному просвѣщенію. Въ этомъ направленіи, впрочемъ, занимаются англо-американскіе математики, кои работаютъ самостоятельно на той же нивѣ, какъ и проф. Некрасовъ. Но гдѣ нашъ ученый побилъ всемірный рекордъ, это въ строгомъ логическомъ обоснованіи графическихъ законовъ массовыхъ явленій и законовъ сродства, какъ инстинктивнаго, такъ и координированнаго въ сознаніи, съ помощью нравственныхъ идеаловъ, овладѣвающихъ людьми,—сродства съ знаками $\pm$, которые выражаютъ въ случаѣ $+$ притяженіе, соборное начало, основанное на нравственной любви, на взаимности элементовъ нравственнаго общественнаго сознанія, а въ случаѣ—выражаютъ отрицаніе, отталкиваніе ига кабалы, окультности (помраченія) лжи и обмана. Эти элементы группируются подобно электронамъ, современной физико-химіи въ атомы своего рода (стр. 110—112). Историко-статистическое изслѣдованіе есть наилучшее средство къ познанію зо-

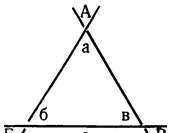
[1]) Мы преднамѣренно выписываемъ слова П. А. Некрасова о нашемъ трудѣ, чтобы подкрѣпить себя его авторитетнымъ для насъ одобреніемъ.

лотой средины (или золотого сродства) въ сосуществованіи и въ послѣдовательномъ замѣщеніи подобныхъ истинно-подобными (безъ подлога) во всѣхъ отношеніяхъ предметами доброкачественнаго свободнаго выбора причинъ и проявленія изъ нихъ необходимыхъ послѣдствій. Всѣ эти пріемы и научныя построенія пріобрѣтаютъ въ ученыхъ трудахъ проф. Некрасова высокое достоинство и неоспоримую цѣнность въ томъ своеобразномъ въ наукѣ отношеніи, что онъ принимаетъ за факторъ, или дѣятель жизни, не только внѣшній матеріальный міръ, не только также психическій внутренній сосредоточенный міръ сознанія и переживанія, но, главнымъ образомъ, еще и духовныя творческія начала.

IX.

Некрасовскій державный трехсторонникъ.

На этомъ же основаніи проф. Некрасовъ выстраиваетъ и три стороны жизни державнаго русскаго историческаго быта. Онъ установилъ такъ называемый *Некрасовскій державный трехсторонникъ*, гдѣ вершины А. Б. В и двусторонніе углы а б в означаютъ слѣдующее: А и а—насажденіе и храненіе даровъ вѣры (Церковь); Б и б—насажденіе и храненіе условій просвѣщенія, земледѣлія, промышленности, торговли (земство); В и в—насажденіе и храненіе условій формальнаго права и обороны (государство).



Мы думаемъ, что это простое представленіе творчества въ направленіяхъ духовномъ, душевномъ и матеріальномъ даетъ возможность по даннымъ:

1) по А и б опредѣляетъ математически искомое в
2) „ Б и в „ „ „ а
3) „ В и а „ „ „ б

Т. е. отношеніе Церкви и ея іерархіи къ государству и народу, отношеніе народа и его самобытнаго просвѣщенія къ Церкви и государству и, наконецъ, государства и его правительства къ Церкви и народу. Эти вопросы, кромѣ интереса современности, имѣютъ и то достоинство, что рѣшаютъ существующія великія недоумѣнія въ области глав-

нѣйшихъ отправленій и проявленій жизни собственнаго нашего отечества. Эта сторона труда проф. Некрасова достойна особаго вниманія и удивленія со стороны, какъ обилія философскаго, логическаго содержанія, такъ и правильнаго выраженія математическими обликами, символами чисто высоконаучной опредѣленности и точности. Не есть ли это построеніе одинъ изъ видовъ планомѣрнаго проекта „воскрешенія человѣчества“ по удивительнымъ мыслямъ философа общаго дѣла? Эти качества его новаго курса теоріи вѣроятностей выдвигаютъ данный трудъ изъ ряда другихъ подобныхъ трудовъ, не обладающихъ его широкимъ кругозоромъ.

Воистину творческія силы самобытной Россіи еще не изсякли,—онѣ возрастаютъ и множатся!